

ТЭРУ

宮本 輝

МИЯМОТО

УЗОРЧАТАЯ
ПАРЧА

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М71

Teru Miyamoto
KINSHU

Copyright © 1982, Teru Miyamoto
All rights reserved

Перевод с японского *Галины Дуткиной*
Оформление переплета и закладки *Анастасии Зининой*

Миямото, Тэру.

М71 Узорчатая парча / Тэру Миямото ; [перевод с японского Г. Дуткиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Маскот. Путешествие в Азию с белым котом).

ISBN 978-5-04-216056-1

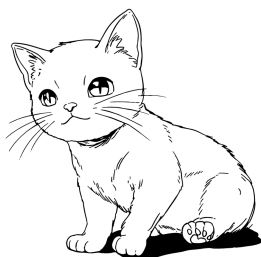
Творческая звезда Тэру Миямото вспыхнула в промежутке между поколениями Кобо Абэ и Харуки Мураками. Миямото — один из самых многотиражных и популярных писателей Японии. Лауреат престижных литературных премий имени Дадзая Осаму и Рюноске Акутагавы. В «Узорчатой парче» Миямото запечатлел саму японскую душу.

Тихое семейное счастье разрушил звонок из полиции — господин Арима пытался в гостинице совершить любовное самоубийство по сговору. Через несколько месяцев Аки молча развелась с выжившим мужем. Лишь десять лет спустя, случайно встретившись с ним, Аки решила узнать, что же тогда произошло, и написала первое письмо. Завязалась откровенная переписка. Пришло время раскрыть все тайны и излить друг другу души под музыку Моцарта.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-216056-1

© Дуткина Г., перевод
на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

О МАГИЧЕСКИХ КРИСТАЛЛАХ СЛОВ И УЗОРЧАТОЙ ПАРЧЕ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тэру Миямото родился в 1947 году в г. Кобе. В литературу ворвался на гребне «новой японской прозы» вместе с такими известными нам писателями, как Рю Мураками и Кэндзи Накагава. Но если имена последних в России, что называется, «на слуху», то Тэру Миямото известен гораздо более узкому кругу. Можно, пожалуй, сказать, что на фоне «монополизовавших» до недавнего времени российских читателей «двух Мураками и Бананы» он незаслуженно обойден вниманием. Во-первых, потому, что в самой Японии Тэру Миямото, творящего как в русле «массовой», так и «чистой» литературы, чтут отнюдь не меньше Харуки Мураками. А во-вторых, потому, что в Россию Миямото «попал» намного прежде нынешних кумиров, хотя и не через

книжные прилавки: первая же его повесть «Мутная река» (Доро-но кава) прогремела на весь мир с киноэкранов, когда в 1981 году одноименный фильм режиссера Кохэя Огури получил приз на Московском кинофестивале, а в 1982 году был номинирован на «Оскара». После чего в России о новой японской звезде, вспыхнувшей в промежутке между поколениями Кобо Абэ и Харуки Мураками, забыли на долгие годы. Снова вспомнили и восторженно заговорили лишь в 2000 году, когда в издательстве «Восточная литература» «Мутная река» вышла, наконец, на русском языке в купе с несколькими рассказами Миямото¹. Вспомнили — и поразились яркости и самобытности таланта.

Между тем в Японии Тэру Миямото обласкан критикой, избалован премиями и огромными тиражами с самого начала творческой карьеры. Окончив литературный факультет университета Отэмон Гакуэн, он поступил в рекламное агентство, однако проработал там недолго, предпочтя литературу. Потом Миямото еще раз попытается вернуться в бизнес, но снова оставит его. Слава пришла к нему сразу — и никогда не отворачивалась от него. В 1977 году Миямото получает

¹Миямото Тэру. Собаки в разгар лета: Рассказы и повести / Пер. с яп. М. Жанцаровой. М.: Восточная литература, 2000.

литературную премию Дадзая Осаму за первую же свою повесть «Мутная река» (Доро-но кава), а в 1978 году — самую престижную в Японии литературную премию Рюноскэ Акутагавы за свое новое произведение — повесть «Река светлячков» (Хотару-гава). Вместе с повестью «Река Дотомбори» (Дотомбори-гава) эти произведения составили так называемый «цикл о реках». Кстати, все три «речные» произведения были экранизированы в 80-х годах. Также экранизирован в 1995 году роман «Призрачный свет» (Мабороси-но хикари).

Перу Тэру Миямото принадлежат роман «Вечно изменчивое море» (Рутэн-но уми, 1984 г., первая часть дилогии), роман «Земная звезда» (Ти-но хоси, 1992 г., вторая часть дилогии), роман «Фаворит» в 2 томах (Юсюн, 1986 г.), удостоенный литературной премии Эйдзи Ёсикавы, двухтомный роман «Стул в степи» (Согэн-но ису, 1999 г.), а также множество других, не менее известных произведений. Тэру Миямото относится к самым «многотиражным» и популярным писателям Японии. Многие его произведения переведены на иностранные языки.

«Узорчатая парча» (Кинсю) была написана в 1982 году, однако внимательный читатель напрасно будет искать в ней реалии, позволяющие определить точное время действия. Хотя в це-

лом понятно, что это XX век, а точнее, его вторая половина. Точно так же придирчивый литературовед столь же безуспешно попытается определить жанр «Узорчатой парчи». Да, спору нет, «Парча» стилизована под переписку двух героев. Значит, роман в письмах? Едва ли... В «Узорчатой парче» столь же явно присутствуют характерные признаки откровенно-пронзительного «ватакуси-сёсэцу» (повествование о себе), изысканно-прихотливого «дзуйхицу» (эссе «вслед за кистью»), глубокой философской притчи, женского романа (женская линия явно доминирует), есть даже элементы захватывающего, интригующего детектива, особенно в завязке произведения.

На первый взгляд все достаточно незатейливо, просто. Бывшие муж и жена волею случая (или Провидения?) сталкиваются друг с другом в горной глуши, в кабинке фуникулера — и тотчас же расстаются, не сказав друг другу практически ничего. Десять лет назад они развелись, потому что муж героини Акико — Ясуаки Арима — изменил жене, и при этом едва не погиб, якобы при попытке «двойного самоубийства» с любовницей. За прошедшее время угли трагедии подернулись пеплом, покрылись патиной времени, но внутренний жар их еще настолько силен, что при встрече в душе Акико снова

вспыхивает яростное пламя, — и она завязывает переписку. Несколько писем от Акико к Ясуаки и несколько писем от Ясуаки к Акико — вот и все короткое повествование. Но в этой не слишком толстой стопке листков столько пронзительной боли и безысходного отчаяния, столько неистовой, безрассудной любви и обжигающей ненависти, столько жалости, мужества, жертвенности и высокого благородства, что другому, менее талантливому писателю достало бы на целую сагу. Лаконичная, но бездонно емкая «Человеческая трагедия». В каком-то невероятном, безумном темпе перед читателем пролетает десятилетие жизни героев — со всеми их взлетами и падениями, с разочарованиями и надеждами, страхами и мечтами. Реальные события переплетаются с воспоминаниями о прежней жизни, о том, что же случилось на самом деле и что послужило истинной причиной развода двух искренне любивших друг друга людей.

Несколько лет работы в рекламном агентстве не прошли бесследно для писателя Тэру Миямото. Неправ тот, кто полагает, что реклама — это презренное ремесло. Реклама (разумеется, хорошая, умелая реклама) — своего рода искусство, сродни работе огранщика драгоценных камней. Это квинтэссенция слова, квинтэссенция образа, ибо цель рекламы — выхватить и осветить

мгновенным лучом самые яркие, самые важные грани того, чему она служит. Тэру Миямото — мастер своего дела. Он гранит магические кристаллы слов. Из его книги нельзя убрать ни абзаца, ни даже фразы — иначе прорвется, нарушится драгоценная ткань переливающейся парчи текста. Мгновенный, незримый поворот волшебного кристалла Слова — и мир окрасился в черный цвет беспросветного мрака, отчаяния. Еще поворот — и алое зарево бушующего пожара, безумия и любви затопило страницу... Одно описание алых кленовых листьев, пожалуй, стоит поэмы! Потрясенная неожиданной встречей Акико вспоминает: «...Красным был не весь склон: в багрянце мелькали вкрапления вечно-зеленых растений, коричневые листья, золотились ветви похожих на гинкго деревьев. Рядом с ними красный цвет был особенно ярким, он прямо-таки пламенел. Казалось, из смешенья мириадом цветов и оттенков вырываются огромные языки неистового огня. Потрясенная этим зрелищем, я, не в силах сказать ни слова, молча взираю на многоцветье пышной растительности, словно впитывая его в себя. <...> Опыленная неистовством оттенков красной листвы, я ощутила в этом пламени горного леса нечто ужасное, убийственное, словно прикосновение холодного клинка».

Однако повествование Тэру Миямото сверкает и переливается не только гранями слов. Оно буквально затягивает в себя, завораживает философским и литературным подтекстом, уводит в глубины веков — словно при чтении старой японской поэзии, пронизанной ассоциациями и аллюзиями. Дело в том, что «Узорчатая парча» буквально напитана духом японской художественной традиции, точно губка водой. Собственно говоря, конкретно и прямо об эстетических категориях не сказано ни единого слова, однако читатель, хотя бы немного знакомый с традиционной японской культурой, каким-то шестым чувством непременно уловит присутствие духа Японии, пресловутой японской Души. В подсознании сами собой всплывут вдруг абстрактные, но при этом непостижимо конкретные понятия «моно-но аварэ» (очарование всего сущего), «ёдзё» (послечувствование), «югэн» (скрытая красота), «саби» (заброшенность, чувство вечного одиночества), «сатори» (озарение), «цуцусими» (воздержанность, скромность) и многое другое... Ну а буддийский термин «карма» — это вообще одно из ключевых понятий-символов произведения. Используя эпистолярный «стиль», автор не просто воссоздает очарование языка старой литературы (ибо и поныне японцы пишут письма, используя

особую лексику, особые обороты вежливости, особые, старые формы грамматики и прочие языковые «изыски»). Его герои, практически наши современники, жители индустриальной, научно-технической Японии по сути дела мыслят категориями японцев Средневековья и действуют сообразно канонам средневековых духовных ценностей — повинуюсь высокому долгу и чести, почти конфуцианской дочерней (сыновней) почтительности, благородству и благодарности за оказанные благодеяния. По сути дела, в романе нет ни одного отрицательного героя, ни единого проявления низменных или пошлых чувств. Это аристократы духа. Все они глубоко несчастны, но возвышенно-благородны и склонны к самопожертвованию. В этом смысле «Узорчатая парча» глубоко традиционна. Кстати, драма героев начинается именно с «синдзю» — воспетого в классической японской литературе и поэзии «двойного самоубийства» влюбленных. Его совершали несчастные любящие, если Судьба препятствовала их соединению. Неважно, что на поверку «двойное самоубийство» окажется не «двойным». Что возлюбленная Ясуаки сначала пыталась убить его, а потом лишила жизни себя, — ведь это случилось не из подлости или мести, а совсем по иным, драматичным и романтическим, почти что классическим мотивам...

Особенно ярко, подобно вспышке алых кленовых листьев, подан образ главной героини «Узорчатой парчи» Акико. Своей духовной силой, мужеством — и в то же время страстностью женской любви и своей красотой — она воскрешает в памяти героинь старинных рыцарских романов. Но не только их. Она очень напоминает известную японскую поэтессу Акико Ёсано, творившую в начале XX века. Поэтический сборник Акико Ёсано «Спутанные волосы» — это гимн свободной от пут условностей и средневековых запретов страстной женской любви. Юная Акико Ёсано (кстати, тоже Акико! Может быть, совпадение тут отнюдь не случайно?) совершила немыслимый для эпохи Мэйдзи поступок. Она бежала из дома, дабы соединиться с любовником — известным поэтом того времени Ёсано Тэкканом, кстати, связанным брачными узами с другой женщиной. И ее сборник «Спутанные волосы» (что в поэтике было весьма смелым по тем временам символом любовной страсти) посвящен главным образом возлюбленному. Столь же юная Акико из «Узорчатой парчи», воспитанная в традиционном японском духе почтения к родительскому авторитету, тем не менее возлюбленного и мужа (Ясуаки Ариму) тоже выбирает сама, не считаясь с условностями, и даже вступает с ним в любовную связь до заключе-

ния официального брака, просто поставив отца перед фактом. Это уже потом, раздавленная изменой мужа, унижением и позором, тоской по утраченной любви, она никнет и начинает действовать, словно безвольная марионетка, во всем повинувшись воле отца. Несчастья на время словно сжигают ее незаурядную личность. Как тут не вспомнить стихотворение Акико Ёсано, написанное после кончины ее возлюбленного!

Мнилось:
Сияюще-алая
Твердыня воздвиглась
В моей душе.
А там — пепелище¹.

Но Акико из «Узорчатой парчи» находит в себе мужество для возрождения. Она решается на развод с нелюбимым вторым мужем, за которого вышла по воле отца, и посвящает себя воспитанию и лечению своего неполноценного ребенка, из которого фанатично пытается сделать нормального члена общества. Она даже находит силы понять — и простить предавшего ее Ясуаки. Совершенно очевидно, что автор хочет предъявить читателю японку нового типа — раскованную, смелую, независимую в решениях

¹ Пер. с яп. Е. Дьяконовой. Журнал «Иностранная литература», 1999, № 10.

и выборе, умную, тонкую и в то же время непокорную и нестигаемую, бунтующую и мятежную, словом, женщину нашего времени. Хотя догмы старых условностей по-прежнему сковывают ее по рукам и ногам... Это намерение автора как бы усиливается, подчеркивается и дополняется женской ролью «второго плана» — «простушкой» и простолюдинкой Рэйко. Эта девушка, которой Ясуаки, казалось бы, просто пользуется в стесненных жизненных обстоятельствах, на самом деле отнюдь не проста и тем более не глупа. Она практична, предприимчива (кстати, автор и тут проводит аналогии со средневековыми женщинами Японии — обитательницами торгово-купеческой Нанивы — старой Осаки), полна жизни и любит Ясуаки — беззаветной и бескорыстной любовью, граничащей с самопожертвованием. Собственно, это Рэйко (вместе с Акико, поддерживающей бывшего мужа своими письмами) вытаскивает Ясуаки из пучины отчаяния и жизненной грязи, в которую он постепенно погружается после развода с Акико. И Смерть, преследовавшая его много лет, наконец отступает от него. (Тема Смерти и, в частности, самоубийства вообще характерна для творчества Тэру Миямото, она звучит во многих его произведениях.) Ясуаки уходит от Смерти к Жизни — и к новой, хотя и вполне земной любви...